

Похоже, в стране наконец взялись за культуру. Не хотелось бы гордиться с избытком: можно и сказать парочкой. Но по крайней мере один факт очевиден. Только что Президент России Борис Ельцин подписал Указ о Государственном академическом Большом театре России.

Если бы сами ничего нового в этом гордом названии не усмотрели, охотно подождали: определится национальная принадлежность старого театра страны.

Но не только это. Генеральным директором театра Владимиром Козимом составлена любопытная прокомментировать читателям «ЭС» новый государственный документ.

— Кажется, впервые за 217 лет окончательно решен вопрос: кому в нашей стране принадлежит Большой театр. С максимальной настойчивостью я спрашивал об этом из года в год у разных людей и получал ответ: «Ну, народу» — «Нет, — говорил я — народу принадлежит искусство, а театр кому? Чье это все — здание, сцена, мастерские, дома отдыха...» Наконец стало ясно: все это государственное. И, значит, не придет и на один прекрасный день «крутые» ребята и не кулят наше национальное достояние с потрохами за 28 миллионов. Теперь Большой — федеральная собственность, не подлежащая ни отчуждению, ни акционированию, ни приватизации.

Далее. Как бы мы сами ни любили свой театр, мы не в состоянии начать ремонт здания и закончить его. Сколько оно простоят в таком виде, никто не знает. Указ же обязывает соответствующие российские министерства в месячный срок внести в правительство предложения по ремонту и реконструкции театра. Слова Боту, теперь это «головная боль» не только наша, но и государственная!

Юридически узаконено и название: Государственный академический Большой театр России, единственный в стране. Следовательно, десятки когучущих по бывшему СССР и по миру «пиратов» — «Большой» уже не смогут прятаться под нашу «маску»: отныне у театра — своя символика.

— И судя по всему, настала времена, когда 7 ноября по телевизору уже не увидишь торжественной трансляции из Большого театра Союза ССР в честь Н. Годовикова.

— «Политические игры» на сцене Большого театра с любимой формулировкой Минкультуры СССР «Провести... чествование в ознаменование...» закончились. Была, если помните, и такая традиция: кто бы в страну ни приезжал, всех надо было выводить именно на нашу сцену. И с этим покончили. Никакая частная «академия» или фирма больше не сможет договориться с Минкультом об аренде театра на пару-тройку вечеров. Надеюсь, что мы надеемся застрахованы от незаконного коммерческого использования имени театра. Конечно, и правительства России будут «спускаться» и прощаны, и заявки — все-таки театр остается государственным ведомством. Другое дело, что выполнят будут только те из них, которые согласуются с юридическим статусом театра: те, что имеют подлинную художественную ценность.

— А если вам покажется, что «завина» не соответствует статусу Большого академического. Можно ли будет спорить с Президентом?

— Оспаривание «приказа» сверху не противоречит этому документу. Для нашего возможного «Нет, не будем проводить!» есть правовая основа, закрепленная в президентском Указе.

— Целевые спектакли по-прежнему останутся в планах Большого театра?

— Останутся. Они не имеют у нас очень уж большого размаха. Однако, по моему, из всех советских «форм работы со зрителем» эта самая уместная. В театр приглашаются представители организаций и предприятий, у которых нет другой возможности туда попасть. Роскошь купить билетик у колонны театра за несколько долларов им явно не по карману.

— Владимир Михайлович, еще недавно вы получали государственную дотацию из Министерства культуры. Теперь будете получать ее из первых рук Президента.

— Точнее из Министерства финансов. Как и другие важные государственные объекты, ГАБТ — отдельная строка в российском бюджете.

— Понятно. Но какая принципиальная разница, какое из министерств выдает положенную господотацию?

— Когда мы раньше ежеквартально получали деньги из Министерства культуры, то яе было никаких гарантий, что мы получим их полностью. А только так — позволяет общая финансовая ситуация в стране отсчитывать театру положенную сумму: значит, отсчитают. А не пойдут, не выйдут. Было и такое: допустим, руководство отрасли выдало необходимую сумму, а через полгода часть пропало вернуть назад. И аргумент всегда под рукой: в отрасли произошли важные изменения. На самом деле, имея такой монстр в лице Большого театра, нам было удерживать и не отсчитывать от него сумму, и не пустить на что-нибудь другое!

Сегодня тоже может так случиться, что у правительства не окажется для нас необходимых средств, но тогда оно честно скажет: «Ну нет денег пока, вы-

БОЛЬШОМУ КОРАБЛЮ...

КОММЕНТАРИЙ К ОДНОМУ ПРЕЗИДЕНТСКОМУ УКАЗУ

нрчиваетесь сами». Но совершенно очевидно, подлого мейного не никто ни на какие свои нужды не отщипнет!

— Раньше 50 процентов от всей заработной платы артистов выдалось государству. Что станет теперь с валютой «законной половиной»?

— Одно из самых достойных пожеланий Указа — создание из Большого театра особых условий по части использования его валюты. От государства последние пару десятков лет мы не получали «ни цента». И только в последнее время продавали ему валюту по высокому курсу. Раньше-то просто отдавали за бесценок, что весьма похлодно на грабеж, или лучше выразим так: на экспроприацию. А что такое валюта для театра, в особенности для Большого? Музыкальные инструменты, электротехническое оборудование, увы, пока в стране не производимое. Без него же вы ни одного спектакля не увидите. Затем материалы, из которых шьют костюмы, краски для декораций, сами декорации. Простая арифметика: стоит чуть ослабить валютные доходы от нашей «основной деятельности», уровень ее моментально и неволевым образом снизится. Но из Указа Президента следует, что ни один доллар, заработанный театром, не покинет его «армады». За использованием денег будет следить Министерство финансов. И это правильная мера, хотя понятно, что останешься от покупки музыкальных инструментов валютные средства уйдут не на деньги, а на приглашение для работы лучших зарубежных танцовщиков, певцов, дирижеров, балетмейстеров. Они необходимы театру как второе дыхание!

— А наша артистам станет легче жить?

— Хотелось бы верить. Будучи по Указу в штатной системе государственных предприятий, театр получает право без каких-либо вмешательства сверху или со стороны, абсолютно самостоятельно форми-

ровать весь коллектив — от зав. канцелярией до народного артиста. Решать, какие милая необходимы, сколько артистов разных категорий потребуется и этого сезона, сколько в следующем. Кому какая зарплата положена. А это нам лучше знать, чем любому самому прогрессивному лидеру. В самостоятельности такого рода и заключается предпосылка для создания контрактных отношений.

— Вы не думаете, что из-за контрактов, еще не ставших привычной практикой, в театре начнется страшный хаос: артисты в постоянных разъездах, масса более выгодных контрактов, приглашений, они не выходят на сцену в положенный день и час. И постепенно работа в Большом на основной преградается для них во второстепенную.

— Между администрацией театра и артистом, заключающими трудовое соглашение, существуют конкретные оговоренные взаимоблагодетельства: вы можете ездить куда хотите, танцевать или пить что угодно, без запретов или ограничений, с одним только «но» — вы обязаны соблюдать контрактные условия вашей Alpha Mater. Не выйдя на ее сцену в положенный день и час, вы автоматическим расторгаете контракт.

— Сможет ли администрация, заключающая договор с артистом, избежать всеобщего пренебрежения против каких-то вредных черт его характера? То есть не приведет ли контракты к постепенному отторжению некоторых артистов от театра.

— Думаю, сама администрация не готова к отторжению. Слишком уж большая эта ценность — коллектив Большого театра, чтобы распрощаться ни со словами: «Мне что-то ваша физиономия не очень. До свидания».

— Итак, благодаря Указу Большой теперь сам себе голова. Кто конкретно в новых условиях будет руководить театром?

— Руководство Большим — на плечах вашего покорного слуги. Генеральный директор, согласно Указу, ведет все — от открытия банкета до счета. Да заключения контрактов с главными специалистами театра — художественными руководителями (и это уже наша внутритеатральная прерогатива). Ответственность колоссальная, пост государственного. Коллективное же руководство деятельностью театра осуществляет коллегия Большого: она, как и прежде, решает, ставить тот-то спектакль или не ставить, а заодно — и весь комплекс внутренних проблем. Одна из самых неразрешимых, как всегда, жилищная. Квартира даже в отдаленном районе Москвы стоит 3—4 миллиона. За эти деньги мы ее купим не в силах. С другой стороны, артист, приходящий в Большой театр, не может так же, как по объективным. Следовательно, за нами еще — поиски выхода.

В кабинете Рузвельта висела табличка со словами «Апеллировать не к кому». Нам теперь тоже не к кому.

— Партия КПСС в театре уже больше не существует. Нет ли у вас желания преобразовать это политическим партией? Сейчас такса большой выбор!

— По-моему, и прежней идеологии нам хватить надолго. А бывшее помещение уже ушло в фонд развития театра. Нынешнему же многопартийному экстазу куда больше подойдут площади столицы. В свое время Большой театр департизировавшийся первым в стране. И вовсе не потому, что в нем работали самые прогрессивные люди: логика жизни и творческому коллективу подсказывает мудрые решения. Ну не абсурдом было всевозможное обсуждать на партком, что артист К., отлученный за границу, больше туда ни ногой, но вывели на одну кружку пива больше, чем предписывал кодекс поведения. Обсуждали тем не менее.

— Ну за 217 лет жизни вполне можно стать пророком!

— Может, поэтому у нас раньше, чем везде, наступил асфальт. И раньше обнаружилась потребность в гласности. К чести тогдашнего партийного руководства страны, надо сказать, что наши развязывшиеся языки никто не прикусил. Сегодня театр принимает новую модель жизни. Долгожданную и пророческую по валютой. Большой становится подлинно автономным, творческим учреждением. И помни о его пророческих свойствах, я думаю, что Указ Президента может стать не просто планом спасения одного Большого театра, но и первой серьезной попыткой коренного реформирования всего искусства отечественной культуры, правового, административного, творческого.

И еще об одном «мистическом» прогнозе Большого: он первым в стране, несмотря на замутненную великим Октябрем память, вспомнил о таком понятии, как преемственность культурных традиций. Сперва мы поставили «Младу», затем «Идилия» — смышляет с этими лет обратиться к «Жизни за царя», позже появилась «Вальдерна», а совсем недавно «Юрсар». И зрители идут на спектакли, и смотрят их так, как будто они — отреставрированные картины древности. И в нынешнем Указе — это заданные условия преемственности искусства. Видно, что более никому не позволено посягать на него, равно как и на творческую свободу Большого театра России.

Беседу вела Наталья МЕСХИ.